

Дискурсы этики. 2025, 2(26): 11—26

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

https://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/10/DE2025_2_26_11-26.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-2-11-26

УДК 17

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА М.М. БАХТИНА

Канышева О. А., Фофанов И. А.

статья:

поступила в редакцию 04.09.2025

принята к публикации 05.10.2025

опубликована (онлайн) 18.10.2025

© Канышева Ольга Альбертовна

кандидат философских наук, доцент Ленинградского государственного университета

им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: k-55o@yandex.ru

© Фофанов Иван Алексеевич

студент бакалавриата Ленинградского государственного университета

им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: ivfof@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Статья посвящена актуальной теме этики, связанной с проблемой современного понимания поступка, ориентированного на реализацию нравственных норм поведения в диалогической этике М. М. Бахтина. Творчество философа в современном контексте развития культуры обретает новую популярность в связи с поднимаемыми Бахтиным проблемами ценности личности, ее уникальности и неповторимости, что проявляется в не-алиби в бытии, как условия самого бытия человека. Внутренний мир сознания выстраивается на диалоге, как условия объективации человека, который нуждается в Другом больше, чем в самом себе и преодолевается отчуждение между

людьми в полифонии и карнавале, которые являются формами развития социального диалога. Бахтин призывает не созерцать, а диалогизировать, что означает уход от рассмотрения этики как должного; взамен этому Бахтин предлагает рассматривать этику как сущее. В таком контексте понимания диалог превращается в поступок и появляется новое требование Бахтина: поступать, значит диалогизировать. Событийность бытия соткана из многоголосия поступков, что превращает диалог в силу, которая диалектически связывает воедино жизнь социума и в силу нравственного откровения ее участников превращает саму жизнь в праздник, или карнавал. Диалог представляет собой праздничное событие, раскрывающее многоуровневость и многоголосие социального бытия человека. Диалогическая этика Бахтина решает проблему катарсически, где откровение каждого становится откровением всех и каждого одновременно, как реализация тайных желания быть, а не казаться.

Ключевые слова: диалог, поступок, диалектика, Я, Другой, диалогическая этика.

Discourses of Ethics. 2025, 2(26): 11—26

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

https://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/10/DE2025_2_26_11-26.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-2-11-26

M.M. BAKHTIN'S DIALOGIC ETHICS

Kanycheva Ol'ga, Fofanov Ivan

received 04.09.2025

accepted 05.10.2025

published (online) 18.10.2025

© Ol'ga A. Kanycheva

Candidate of Science in Philosophy

Associate Professor at Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: k-55o@yandex.ru

© Ivan A. Fofanov

BA student at Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: ivfof@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article is devoted to an urgent topic of ethics related to the problem of modern understanding of an act focused on the implementation of moral norms of behavior in M. M. Bakhtin's dialogic ethics. The philosopher's work in the modern context of cultural development is gaining new popularity in connection with the problems of personality value raised by Bakhtin, its uniqueness and uniqueness, which manifests itself in non-alibi in existence, as a condition of human existence itself. The inner world of consciousness is built on dialogue, as a condition for the objectification of a person who needs Another more than himself, and the alienation between people is overcome in polyphony and carnival, which are forms of the development of social dialogue. Bakhtin urges not to contemplate, but to dialogize, which means avoiding considering ethics as proper, instead

Bakhtin suggests considering ethics as existing. In this context of understanding, dialogue turns into an act, and Bakhtin's new requirement appears: to act is to dialogize. The eventfulness of being is woven from the polyphony of actions, which turns dialogue into a force that dialectically binds together the life of a society and, by virtue of the moral revelation of its participants, turns life itself into a holiday or carnival. Dialogue is a festive event that reveals the multilevel and polyphony of a person's social existence. Bakhtin's dialogic ethics solves the problem cathartically, where the revelation of everyone becomes the revelation of everyone at the same time, as the realization of a secret desire to be, and not to seem.

Keywords: Dialogue, Action, Dialectic, I, the Other, Dialogic Ethics.

Homo dialogus

Диалог с греч. переводится как **διάλογος** — «разговор, беседа», где слово содержит два смысла: **δί** — «через; отдельно» и **λόγος** — «слово; речь; разум; мнение; учение», что предполагает нескольких участников беседы, которые обмениваются суждениями. Диалог возможен при условии взаимного согласия собеседников и невозможен без любви, которая у древних греков имеет множество значений (эрос, агапе, сторге, филиа), где один уважает другого, где обнаруживает себя взаимная симпатия и где появляется желание посмотреть на себя глазами Другого. Полнота человеческого бытия предполагает взаимообмен смыслами, знаками, эмоциями, рассуждениями, мнениями и т.д.

Диалог есть отражение потока жизни, которая спонтанна, иррациональна и разворачивается интуитивно, согласно А. Бергсону. Направление диалога в силу творческой природы непредсказуемо, что вызывает напряжение, которое присуще игре. Притяжение, или отталкивание вызывает эмоциональное напряжение, которое побуждает к речи. Космос предполагает порядок, который обуславливается пробуждением диалога.

Рождаются нравы, которые призваны сохранять гармонию отношений и пробуждают искусство, мастерство (греч. **ἠθική (τέχνη)**) развития нравственности. Об этом рассуждает Аристотель, когда создает правило золотой середины между крайностями добродетелей и говорит об одной из причин, как целеполагающей, ориентированной на благо. Эстетика и этика находятся в неразрывном единстве, предполагает выражение норм поведения через мастерство их исполнения, как этикет в этике Конфуция.

Современная этика нуждается в новом подходе, методологии, где для современной культуры высшей ценностью становится **homo dialogus**. Необходимо разрабатывать новую систему методов, позволяющих мастерски сохранять этические нормы поведения, избегая конфликтных ситуаций. Поэтому диалогическая этика М. М. Бахтина обретает второе ро-

ждение из — за недопонятости и недосказанности его основных работ, интерес к которым растет по разным гуманитарным направлениям.

Природа человека диалогическая и раскрывается на разных уровнях существования диалога от низшего к высшему: телесный, духовный, душевный. При этом нужно учитывать, что **внутреннее бытие человека является, по словам Бахтина, выразительным и говорящим**. Исходя из диалогической природы человека необходимо предположить, что человек существо этическое, стремящееся к диалектическому становлению диалога, который одновременно является закрытым и открытым, внутренним и внешним, завершенным и недоконченным.

История развития диалогической этики связан с развитием отношения Я — Ты.

Появление Я в философии Нового времени, связанное с ценностью и автономностью личности, которая задается вопросом самоосуществления, которое оказывается невозможным вне Другого, что приводит к ценностному переживанию межличностных отношений.

Другой это тот, кто не похож на меня, чужой мне, при этом может быть моим вторым Я, друг, alter ego, что также относится к иным культурам.

Начиная с И. Канта Другой со второй позиции переходит на первую и становится объектом ценности. с этого момента в истории философии ценность Другого закрепляется и уже в философии Л. Фейербаха Другой из чужого становится своим и является условием бытия Я. Появляется право, закрепляющее ценность других. Заслугой Канта и Фейербаха является ценностное признание Другого, что оформляется в категорическом императиве Канта и в **философии туизма** Фейербаха.

Иррациональная философия жизни и экзистенциализм критически относятся к метафизике, где человек является лишь частью теории, не признающей мира переживаний субъективности, рассматривающей жизнь механистически, распространяя на гуманитарные науки методы естествознания.

Неокантианцы провозглашают бытие ценностей, что обозначает новую реальность, получившую название культуры, которая трансцендентна повседневному бытию людей. Г. Коген говорит о любви как о чистом эстетическом чувстве. Здесь обнаруживает себя связь с традицией Платона, который любовь называет искусством самосознания, которое стыдится природного в себе. Искусство и нравственность находятся

в неразрывном единстве и определяют индивидуальность. Нравственная индивидуальность обладает чувственностью как условием своей свободы. Коген вводит принцип корреляции, который определяет отношение как условие бытия Я и Ты, Я и Оно, Я и Бога.

Ф. Эбнер исходит из отношений Я и Ты, рассматривает конкретного человека, который не изолирован от Другого. Для Эбнера первично Ты, где Я через слово и любовь выстраивает отношение с Ты, как способ выхода из одиночества. Диалог Я — Ты по М. Буберу возможен только благодаря любви, где возможна подлинная свобода, в то время как отношение Я — Оно связано с повседневным бытием человека и природой, где все причинено. Человек по Буберу вступает в диалогическое отношение с природой, с людьми, с духовными сущностями.

Диалогическая философия развивается М.М. Бахтиным через центральную **этическую категорию поступка** в работе «К философии поступка», что меняет теоретизирование диалога в европейской философии. Поступок и диалог в философии Бахтина являются продолжением одного другим. **Диалог есть поступок** по Бахтину. Для философа Другой первичен, а Я вторично. Только встреча Я и Другого разворачивает как поступок — диалог.

Этические категории М.М. Бахтина

Подходя ближе к диалогической этике Бахтина становится очевидным, что его этическая система бытия основана на многих предпосылках европейской и русской философии, но при этом обрела самостоятельность и оригинальность. **«Не созерцать, а диалогизировать»**, — призывает Бахтин.

В философии Бахтина можно увидеть разные эпохи и ценности культур, которые утверждаются и закрепляются в системе знания. в античной этике ценностью является любовь, благодаря которой философ осуществляет восхождение к благу, соединяя тела и порождая эстетическое чувство, соединяя души и порождая идеал доброты, соединяя знания, порождая ценность истины. Ценность Другого развивается в христианской этике и обретает смысл и значение в диалогической фи-

лософии. в этике Нового времени ценностью является личность, которая обретает свободу благодаря разуму.

Этика Бахтина представляет собой восхождение от внутреннего диалога к диалогу с Другим и, в конечном счете, к диалогизму бытия в карнавале. Эманация диалога этично ориентирована и представляет Космос, упорядоченный симпатией и сопричастием одного другому.

Поступок как категория этики

«Поступок» как предмет философского анализа имеет неоднозначное этимологическое понимание и нуждается в проработывании глубокого содержания смысла, который имеет разное истолкование в западной и русской традициях. «Словарные статьи сербско-хорватско-русского, чешско-русского и польско-русского языков указывают, что морфема и фонема «поступ»-ок собирает такие свои значения, как *прогресс, продвижение, образ действий, отношение, способ, метод и пр.*» [5, с.55]. в русском языке «поступок» связан со словом «стопа», что означает петлю, яму, западню, капкан, т.е. ограничение свободы, которая нуждается в освобождении. Если в западной философии «поступок» обозначает осуществления императива И. Канта, то в русской философии в «поступке» скрывается нравственное осуществления бытия, которое у Бахтина получило название «не-алиби».

Также интересно значение «ступы» как средства перемещения в пространстве, к примеру Бабы — Яги. Ступа была у древних славян местом, куда пряталась душа умерших в первые дни. в переводе с санскрита слово «ступа» означает вершину могильного кургана, в буддизме детали ступы символизируют эт апы восхождения: от состояния омраченного ума к его просветлению и достижению бодхисатвы — просветления, пробуждения, освобождения через Дхарму — поддержания порядка Вселенной.

Таким образом, «поступок» содержит много уровней событийности мира, где человек становится соавтором событий мира, связанных с его духовными законами и актуализирующий цельность мира через единство индивидуальной воли и воли мира.

Поступок соединяет теорию и опыт через следующие аспекты:

— архитектоника поступка складывается из трех его моментов: я-для-себя, я-для-другого, другой-для-меня;

- поступок имеет три формы: поступок — мысль, поступок — чувство, поступок — действие;
- содержательно — смысловая сторона события определяется ценностями: красоты, доброты, истины;
- три области культуры: наука, искусство, жизнь обретают единство в личности.

Заданность поступка Другим

При раскрытии этимологии слова не наблюдается присутствие в поступке Другого, но присутствует некоторое отношение поступка к чему-либо, или кому-либо, которое остается в тени самого поступка. Очевидна направленность поступка, или то, что его пробуждает.

Поступок является объективацией внутреннего закона, который имманентно пульсирует в сердце каждого человека и требует снисхождения и понимания, так же, как и Другой присутствует как тень и напоминает о себе, требуя заботы и сопереживания. Этот Другой есть и Я тоже. Я вижу в себе себя как Другого. Напряжение, побуждающее к поступку, вызвано необходимостью нести ответственность за Другого.

Современная проблема соединения теории и опыта остается открытой. Человек воспринимает моральные требования как должные, но необязательные. «Из того факта, что курение вредно для здоровья, не следует, что Иванов должен бросить курить» [4, с.17]. Бахтин призывает к «двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность), и за свое бытие (нравственная)» [2, с.12], где нравственная ответственность является определяющей; где «объективное единство культурной области» и «неповторимая единственная единственность переживаемой жизни» определяются поступком.

Поступок напоминает творческий акт, где закон и случай соединяются интуитивно, т.е. бессознательно и сознательно одновременно. Поступок раскрывает уникальность Я, приобщая его к бытию. Разорванность теории и опыта говорит об отсутствии поступка. Поступок развивается из бессознательного влечения, которое, переходя в сознание, обретает форму намерения, которое, затем оформляется в волевое хотение и пе-

переходит на стадию желания, где переживание и мысль объединяются для актуализации поступка.

В современной психологии различаются элементы в структуре поступка: «1) внешние стимулы и внутренние побуждения, участвующие в инициализации поступка; 2) формулировка цели; 3) мотивация поступка (включающая борьбу мотивов и принятие решения); 4) действие; 5) результат действия; 6) оценка действия» [3, с.3].

Категория Другого

Поступок есть движение к Другому, которое имеет в своем содержании желание рассмотреть Другого, что связано с априорным стремлением видеть себя глазами Другого. Бахтин пишет о ценности Другого, которая более высока, чем ценность собственного Я, поскольку нет к самому себе ценностного отношения, а если оно существует, то благодаря Другому, через Другого. Другой является зеркалом, в котором Я видит себя.

Другой есть условие Я. Поступок есть выражение любви к Другому, и изначально нравственно нагружен внутренней активностью и априорностью своего стремления к Другому. Поступок есть признание любви к Другому, где любовь обретает черты зависимости, которые у Ж.-П. Сартра выражены как садизм и мазохизм, которые есть крайности любви.

Единство Я и Другого сдерживается силой любви. Поступок объективирует внутренний характер Я, где Другой есть объективация Я, или актуализация бытия. Поступок есть знание — действие, направленное на Другого, которое обретает характер осуществления идеи через ее воплощение. Реализация нравственных принципов переживается как непосредственное бытие через диалог с Другим.

Проблема Другого сохраняет свою актуальность в контексте проблемы диалога культур. Другой непонятен, непредсказуем, неожиданен.

Понимает ли Бахтин Другого, или это только стремление понимать? Возможен ли диалог при непонимании Другого? Что объединяет Я и Другого? Скорее всего, это социальная предрасположенность, связь Я и Другого в Мы. Если проанализировать детство, то первый этап коммуникации связан не с восприятием себя как Я, а как мы. «Но примечательно, что ребенок, который уже приобрел некоторый навык в речи, все же лишь сравнительно поздно (иногда через год) начинает говорить от первого

лица, а до этого говорит о себе в третьем лице) «Карл хочет есть, гулять и т.д.» [6, с. 139]. И. Кант пишет о том, что первоначально человек себя воспринимает в третьем лице, чувственно, а когда начинает воспринимать себя в первом лице, то начинает мыслить. Чувственное восприятие телесно и ощущает коллективное тело, когда ребенок говорит о себе, как об одном из Они. Ребенок воспринимает себя как Другого, а не как самого себя. Переходя к осмыслению себя как Я он мыслит себя и как Я и как Другого, как душу и как тело.

Поступок заряжен любовью к Другому без ожидания встречной любви. Если вспомнить оптимистичные рассуждения эпохи Возрождения, то есть утверждение, что не бывает невзаимной любви. Словно существует закон любви, согласно которому все, что ты совершаешь по отношению к Другому, ты совершаешь по отношению к себе. Любовь это мост к Другому, основанный на надежде и вере.

Диалог как жизнь общества

Бахтин рассматривает диалог как тотальность жизни, которая звучит в языке, слове, голосе, жесте, взгляде, и представляет диалогический оркестр. Это космос, скрепленный диалогом на всех уровнях его существования. Центральной категорией жизни является **карнавал**, который раскрывает жизнь народа в диалогическом многообразии. «Карнавал — это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь» [1, с.13]. Раскрепощение в карнавале связано с отходом от социальных ролей и понимание телесности как общей составляющей всех слоев населения. Телесный диалог развивается в осмыслении своей природы и особенностей тела, что вызывает смех. Этические нормы, такие как любовь к ближнему, осознаются и одновременно не достигают своей кульминации в поступке, а достигают разрядки в смехе. Смеху подвергается все, что не соответствует нравственным представлениям о человеке и обществе.

Ценность карнавала заключается во всеобщности и единодушии участников праздника, когда народ воспринимает себя как единый организм, который сбрасывает с себя социальные условности, считает их второстепенными. Катарсическая функция карнавала заключается в том, что

человек через смех социума обретает свободу и перерождается в своем сознании, становится нравственным существом.

Амбивалентность смеха демонстрирует диалектику переживаний, связанных со снятием запретов на непристойные темы, которые в нормальной жизни остаются в тени, при этом требуют осмысления. Смех открывает правду на природу межличностных отношений. Высокое и низкое меняются местами, когда срываются маски. Сознание, которое делит на дневное и ночное, переходит в область бессознательного. Я и Другой меняются местами: мужчины становятся женщинами, женщины мужчинами, человек превращается в животное, священник в грешника и т.д. Игровое переодевание приводит общество к реальному переосмыслению существующих ценностей и человек прикасается к табуированным словам и поступкам.

Смех по своей природе коммуникативен и предполагает обращенность на кого-то, «смех направлен и на самих смеющихся» [1, с.17]. Человек, который смеется мысленно, или реально предполагает Другого, который должен воспринять его, или отклонить. Смех есть сорадование Я Другому, его присутствию и поэтому, смех можно рассматривать как приветствие.

Можно определить нравственные основания смеха, который обладает такими функциями, как объединение Я и Другого, катарсис, креативность, достижение нравственного идеала, осмысление вины, признание Другого, понимание, саморефлексия, обретение мира. Смех есть торжество диалога, который объединяет людей и наделяет жизнь ценностями доброты, красоты, истины.

Ценность индивидуальности

Признание индивидуальности является особенностью диалогической этики Бахтина. Здесь речь идет не о теоретическом субъекте, совершающим поступки, а о **конкретной индивидуальности**, которая творит свой поступок, уникальный и неповторимый.

Личность выступает нравственным субъектом, принимающим решение поступать так, а не иначе, руководствуясь доводами разума. Поступок одновременно рационален и иррационален, он совмещает в себе энергию смысла и энергию желания. Энергичность поступка есть проявление жизни, обретающей смысл через событийность бытия, где нет фа-

тальности и предсказуемости поступка, он всегда оригинален, уникален и неповторим. Личность стягивает воедино два космоса: микро и макро и дотягивается до мира ценностей, которые имеют значение и смысл только благодаря ей.

Не-алиби в бытии есть невозможность иного решения для конкретной индивидуальности отказаться от поступка, т.к. это означает ее отсутствие в мире. Индивидуальность заявляет о себе решимостью выйти навстречу Другому, готовностью поменяться с Другим ролями и местом, тем самым обрести смысл существования.

Личность Бахтина обладает уникальностью в поступке и не может рассматриваться как вещь. Здесь Бахтин перекликается с Кантом, который в одной из формулировок категорического императива говорит, что к личности нужно относиться не как к средству, а как к цели. Бахтин пересмысливает этот фрагмент и дотрагивается до глубин личности, которая есть живое бытие, или душа, которая постигается феноменально и неисчерпаема. Если Кант говорит о необходимости такого поведения, которое было бы примером для других, то Бахтин говорит о нравственности поступка, который только поэтому событиен. Кант также повелевает превратить поступок в закон для всех, что у Бахтина выражается в не-алиби в бытии, т.е. поступать нужно так и только так, а не иначе. Личность всегда ориентирована на Другого. в отличие от этики Канта этика Бахтина исходит не из долженствования разума, а из бытия личности, не из принципа всеобщего закона для всех, а из уникального и неповторимого поступка личности. Бахтин уходит от теоретизации мысли и прорабатывает практическую этику, которая развивается диалогически.

Диалогическая этика

Диалог начинается с признания другого человека. Диалогическая этика не задана и определяется живым диалогом, исходя из которого нужно принять единственно верное решение, только тогда его можно обозначить как поступок. Антропологический поворот начинается с работы И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения», где философ говорит о личности, которая сопряжена с саморефлексией и выражается категорией Я. в философии Л. Фейербаха антропологический поворот

связан с концепцией туизма, которая говорит о Я и Ты как сопряженных категориях, где условием реальности Я является присутствие Ты. Марбургская школа неокантианства в лице Г. Когена Ты является условием самосознания Я, а не объективная реальность. Диалогическая философия, которая зарождается в начале 20 в., начинает прорабатывать глубину отношений Я — Ты. М. Бубер видит необходимость диалога Я — Ты, как условие социального бытия, которое выстраивает отношение к природе, культуре, человеку.

Бахтин имеет в виду все эти философские матрицы и задается проблемой живой этики, которая не откладывает поступок в будущее, или осуществляет его только на уровне сознания, а действительно осуществляет выход из внутреннего мира во внешний эмоционально-волевым образом и, таким образом, действительно осуществляет признание Другого. За основание своей философии Бахтин берет не отношение, не соотнесенность одного с другим, а поступок, который имеет глубокое смысловое содержание.

Тема поступка звучит в категорическом императиве Канта, который начинает их с повеления: **поступай...**, в то время как у Бахтина поступок воспринимается как **событие**, которое означает сопряженность индивидуального поступка личности с бытием как таковым, которое осуществляется в диалоге Я и Другого, и поэтому **энергично** заряжено Эросом, который со времен Сократа не может не быть философом, поскольку соединяет волю смертных с бессмертными богами.

Возвращаясь к античной этике, к диалогам Сократа, можно увидеть связь философии Бахтина с диалогической методологией античного мыслителя. Диалоги Платона — это маленькая жизнь, запечатлевшая методы Сократа, которые имели наглядный успех через жизнь его учеников.

Диалогика Сократа основана на равенстве двух сторон, т.к. Сократ не любит одерживать верх; диалог основан на симпатии к Другому, где для Сократа Другой есть предмет восхищения; поводом для диалога становятся вопросы, которые нуждаются в разрешении; ирония как метод позволяет подвергнуть себя и Другого самоанализу и освободиться от заблуждений; путь диалога движется от поверхностных наблюдений к более глубоким и позволяют посмотреть на проблемы этики сначала с личной точки зрения, затем со всеобщей, и, в конечном счете, найти

особенное, как точку соприкосновения индивидуального и всеобщего. Постигая сущность красоты, мужества, блага, справедливости, любви, дружбы, собеседники доводят до собственного сведения их идеи, что позволяет поступать в соответствии с ними.

Отношениями Я и Ты управляет диалог, который становится душой общения. Сущностью диалога становится диалектика (греч. **διαλεκτική (τέχνη)** — искусство вести беседу или спор), который определяется способностью **мышления**, основанного на единстве, Я и Другого. Единство Я и Ты определено Эросом, который удерживает в напряжении говорящих: то сближает, то отдаляет, но при этом сохраняется невидимая связь, основанная на взаимной симпатии, в которой то один, то другой то возвышается, то снисходит, и где, в конечном счете, наступает момент совместного откровения от мысленно увиденного.

Бахтин воспроизводит диалогизм бытия во всем его многообразии и проявлении. Уникальность его работы заключается в том, что он не повторяется в своих суждениях, и тем самым демонстрирует диалогическую этику в ее движении и энергичности, но при этом сохраняет постоянство в единстве всех моментов диалога, т.е. он не раздваивается на **должен**, но **не буду**, а имманентно устремляется к творчеству **поступания** и раскрывает бесконечность диалога.

Современная этика переходит на прикладную, или профессиональную этику и заинтересована формировать конкретные качества, которые называют этическими добродетелями и профессионализмом. Наряду с ней должна прорабатываться индивидуальная форма поведения, свободная от заданных требований, приводящих к роботизации, где личность обретает свободу в поступке, не связанных с заданными нормами, но выработанными индивидуально и, в силу своей оригинальности, проявляющими свою непохожесть, но выполняющими нравственный закон.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. — 543 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 20-х годов. Киев: Next. 1994. С. 9-69.

Канышева О. А., Фофанов И. А.
Диалогическая этика М. М. Бахтина

3. Глазунов Ю. Т. Поступок как «единица» волеизъявления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 5. С. 7-16.
4. Гусейнов А. А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М.М. Бахтин) // Этическая мысль, 2001. №. 2. С.3-26.
5. Ильина О. И. Феноменологический ресурс русского слова «поступок» // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 4. С.53-61.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. — 471 с.

References

1. Bahtin, M. M. Tvorchestvo Frantsiya Rable i narodnaya cultura srednevekov'ya i Rennessansa. M.: Hudozh. Lit.;1990. — 543 p.
2. Bahtin, M. M. K filosofii postupka. Raboty 20h gg. Kiev: Next;1994, pp. 9-69.
3. Glazunov, Yu. T. Postupok kak «edinica» voleiz'yavleniya [An act as a «unit» of expression] Nauchno — metodicheskij electronnyj zhurnal «Koncept»; 2016. No 5, pp. 7-16.
4. Guseinov, A. A. Zakon I postupok (Aristotel', Kant, M. M.Bahtin) [Law and Action (Aristotle, Kant, M.M. Bakhtin)] Eticheskaya mysl', 2001. No 2, pp. 3-26.
5. Il'ina, O. I. Fenomenologicheskij resurs russkogo slova «postupok». Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta; 2002. No 4, pp. 53-61.
6. Kant, I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. Spb.: Nauka; 1999.